

Ежегодник Японии 2024. Т. 53. С. 339–369

Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 339–369

DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-339-369

Обретение личности: Фукудзава Юкити о своей учебе в школе Огата Коан (глава «Школа Огата» из «Автобиографии старца Фукудзава»)¹

Перевод и комментарии А. Н. Мещерякова

Аннотация

Фукудзава Юкити (1835–1901) справедливо считается человеком, который внес весомый вклад в дело приобщения японцев к западной цивилизации. Его творческому наследию, то есть продукту деятельности уже «зрелого» Фукудзава, посвящено множество работ, исследующих его воззрения на политику, общество, государство, педагогику и т.д. Однако сама его личность обычно остается за рамками таких исследований. Нам представляется чрезвычайно важным понять, как формировалась личность этого выдающегося просветителя, посмевшего поднять руку на основополагающие ценности государства и общества эпохи Токугава. Это позволит нам лучше понять не только самого Фукудзава, но и тот тип человека, который оказался востребован временем революционных перемен.

В 1899 г. была опубликована «Автобиография старца Фукудзава», она считается первым «полноценным» произведением автобиографического жанра в Японии. В этом тексте с небывалой для прежней Японии откровенностью автор рассказывает о себе. Фукудзава надиктовал текст стенографисту, поэтому его публикация обладает всеми свойствами спонтанной устной речи: живостью, вульгаризмами, фактическими ошибками, повторами, противоречивыми высказываниями, непосредственностью и некоторой хаотичностью. Это не отменяет того факта, что Фукудзава был человеком наблюдательным и прекрасным рассказчиком. Значительная часть «Автобиографии» посвящена детству и молодости, то есть тому времени, когда происходит формирование личности.

Мы публикуем перевод главы, посвященной учебе Фукудзава в осакской школе медицины, которую открыл Огата Коан (1810–1863) – известный врач, практиковавший европейскую медицину. Его школу закончило около

¹ Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований «От древности до современности: эпистемология и концептуализация развития материальных и духовных культур Востока» НИУ ВШЭ.

трех тысяч человек. В описании Фукудзава студенты этой школы отличались девиантным поведением, которое обеспечивало им идентичность, отличную от того типа личности, который преобладал в токугавской Японии. Многие выпускники школы Огата стали впоследствии знаменитостями и оказали значительное влияние на облик новой Японии, которая существенно отличалась от Японии прежней.

Ключевые слова: Япония, Фукудзава Юкити, школа Огата Ко:ан, формирование личности.

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Finding One's Identity: Fukuzawa Yukichi About His Studies in Osaka (Chapter "Ogata School") From "The Autobiography of Elder Fukuzawa") Trans. by A. N. Meshcheryakov

Abstract

Fukuzawa Yukichi (1835–1901) is rightly considered a person who made a significant contribution to introducing Western civilization to Japan. His writings on politics, society, state, pedagogy, i.e., products of "mature" Fukuzawa, are often being studied. However, Fukuzawa's personality itself usually remains outside the scope of such studies. But it seems extremely important to understand how the personality of this outstanding educator, who dared to raise his hand against the fundamental values of the state and society of the Tokugawa era, was formed. This will allow us to understand not only Fukuzawa himself, but also the type of person who was in demand during the time of revolutionary change.

In 1899 Fukuzawa published his autobiography (*Fukuō Jiden*). It is considered the first “full-fledged” work of the autobiographical genre in Japan. In this text, with unprecedented frankness for former Japan, the author talks about himself. Fukuzawa dictated the text to a stenographer, so his publication has all the usual properties of spontaneous oral speech: liveliness, vulgarisms, factual errors, repetitions, contradictory statements, spontaneity and some randomness. This does not change the fact that Fukuzawa was an observant man and an excellent storyteller. A significant part of the “Autobiography” is devoted to his childhood and youth, that is, the time when the formation of one’s personality occurs.

In this publication, we provide a translation of a chapter dedicated to Fukuzawa’s studies at the Osaka School of Medicine, which was opened by Ogata Kōan (1810–1863), a famous doctor who practiced European medicine. About three thousand people graduated from his school. In Fukuzawa’s description, the students at this school were characterized by deviant behavior, which provided them with an identity different from the personality type that prevailed in Tokugawa Japan. Many graduates of the Ogata school later became famous and had a significant influence on the appearance of the new Japan, which was significantly different from the old Japan.

Keywords: Japan, Fukuzawa Yukichi, Ogata Kōan’s school, personality formation.

Author: Meshcheryakov Alexander Nikolaevich, Doctor of History, professor. HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Фукудзава Юкити 福澤諭吉 (1835–1901) принадлежал к семье низкоранговых самураев из крошечного княжества Накацу, расположенного на севере Кюсю. Но родился он не там, а в Осаке. Место рождения было обусловлено тем, что отец Юкити, Хякусукэ, был послан туда в представительство княжества и занимался там торговыми и финансовыми вопросами.

Фукудзава было всего восемнадцать месяцев, когда умер его отец. Он прожил сорок четыре года – приблизительно столько же жил

в то время и «средний» японец. После смерти Хякусукэ мать Юкити с пятью детьми вернулась в Накацу, где они вели весьма бедную жизнь на причитавшееся семье рисовое довольствие. Из-за нехватки средств Юкити смог начать учиться, только когда ему исполнилось четырнадцать лет – много позже обычного. В Накацу имелась княжеская школа, но низкое происхождение не позволяло Юкити поступить в нее. Поэтому он учился в классах, набранных частными преподавателями.

Свое родное княжество Фукудзава неизменно характеризовал как захолустье. В Накацу он зубрил канонические конфуцианские тексты, но ему страстно хотелось постичь «западную науку», под которой тогда подразумевалось изучение голландского языка. В 1854 г. ему удалось отправиться в Нагасаки – ближайшее место, где это было возможно. Немного поучившись там, в 1855 г. Фукудзава переехал в Осаку, где Огата Ко:ан 緒方洪庵 (1810–1863) открыл школу европейской медицины. Там учились молодые самураи из разных княжеств. Притягательность школы Огата заключалась для Фукудзавы прежде всего в том, что там он мог выучить голландский язык. В то время Япония еще была закрытой страной, но голландский язык давал возможность познакомиться с научными и цивилизационными достижениями Запада. Фукудзава не собирался стать медиком, но штудировал вместе с другими студентами книги по анатомии, биологии, химии, что привило ему вкус к естественным наукам. Сначала Фукудзава жил в представительстве Накацу в Осаке, потом перебрался в школьное общежитие. В школе Огата он проучился до 1858 г. В этом году по приказу княжества он отправился в Эдо, где стал преподавать голландский язык для молодых самураев как самого Накацу, так и других княжеств.

Школа Огата любопытна не только тем, чему там учили. Не меньший интерес представляет царившая там атмосфера, в которой Фукудзава окончательно сформировался как личность. В «Автобиографии старца Фукудзавы» (福翁自伝, Фукуо: дзидэн, 1899 г.) он посвятил школе Огата отдельную главу. Там он дал красочное описание школярской жизни тех молодых людей, которые овладевали западными науками. Студенты школы являлись абсолютным меньшинством в конфуцианской стране с сильным ксенофобским уклоном. Для создания и поддержания «другой» идентичности студенты вели себя подчеркнуто вызывающим образом

и гордились этим. Фукудзава охотно участвовал в проделках своих товарищей.

Целью этих рассказов является стремление показать, что автор с самого начала обладал независимой натурой, не признающей сложившихся норм поведения. Традиция мало значила для Фукудзавы. Несколько утрируя, можно сказать и так: она существовала только для того, чтобы нарушать ее. Если раньше идеальным типажом считался человек, неукоснительно следующий завещанному предками поведенческому канону, то теперь наступала очередь японцев, для которых традиция потеряла абсолютную ценность. Эти люди верили не в «стабильность», а в «прогресс».

Обычно подчеркивается вклад Фукудзавы в строительство новой Японии. Однако следует помнить: он был не только строителем новой Японии, но и разрушителем Японии старой. В «Автобиографии» прекрасно показано, как причудливо сочетались в душах студентов тяга к новому и отрицанию старого.

Стиль жизни студентов школы Огата и их хулиганские проделки далеко не всегда соответствуют ожиданиям современного читателя, привыкшего к современному образу «стерильного» японца, который выстраивает свое поведение строго в соответствии с социально приемлемыми нормами. Но не будем забывать, что после революции Мэйдзи многие «буйные» соученики Фукудзавы заняли, как и он сам, видное положение в обществе и оказали значительное влияние на облик новой Японии, которая существенно отличалась от Японии прежней. А это означает, что именно такой тип личности был востребован временем перемен.

Перевод главы «Школа Огата» сделан по изданию: Fukuzawa Yukichi (2021). *Fukuō jiden*. Tokyo: Iwanami, 75–114.

Школа Огата

Я стал старостой в школе Огата, но продолжал оставаться нищим. Мать и племянница существовали на крошечную пенсию от княжества. Когда меня назначили старостой, я получил официальное право столоваться в доме Огата. Кроме того, в школе существовало такое правило: новый студент не только подносил «благодарственные деньги» самому Огате, но и платил 2 *сю* старосте. То есть, если в данный месяц поступало три новичка, я получал 1 *бу* и 2 *сю*, а если

новичков оказывалось пятеро, то 2 *бу* и 2 *сю*². Для карманных расходов это было неплохо – на выпивку хватало. Мать высылала мне сшитую ею одежду, с этим проблем не было. Так что если у меня заводились денежки, я их тут же пропивал. Я приглашал выпить и других студентов, и они поневоле приобщались к вину.

Пил я безобразно. Когда денег оставалось мало, я покупал в винной лавке три или пять *го* сакэ³ и выпивал в общепитии в одиночку. Когда в кармане оказывались один или два *сю*, отправлялись в харчевню. Это была настоящая роскошь, чаще всего мы ходили туда, где подавали курятину. Но самым выгодным было посещение заведения, где кормили говядиной. В то время в Осаке находилось всего два заведения, где готовили *усинабэ*⁴. Одно находилось возле моста Нанива, другое – возле квартала публичных домов Симмати. Это были самые ужасные едальни, приличные люди туда не заходили. Тамошняя клиентура – татуированные с ног до головы бездомные бродяги и студенты школы Огата. Откуда бралось мясо? Это были и забитые коровы, и сдохшие от болезней – без разницы. Всего за 150 *мон* на брата ты получал вдоволь мяса, сакэ и риса. Мясо было жестким и вонючим.

Раздетые студенты

В то время самураям полагалось появляться на публике с двумя мечами. Я никогда не закладывал своих вещей, но из пяти или шести десятков наших студентов оружие имелось только у двух или трех. Все другие заложили его. Остальные мечи превращались в предметы общего пользования. Оба меча нацепляли только когда направлялись в представительство своего княжества, обычно же появлялись на людях только с коротким мечом – чтобы не выглядеть уж совсем жалко.

Осака – место теплое, зиму пережить легко. А вот летом приходилось раздеваться буквально догола – ни набедренной повязки, ни нижней рубахи. Разумеется, совесть мы все-таки имели и к столу или на занятия чем-нибудь прикрывались, многие облачались в кимоно

² Соотношение денежных единиц в период Токугава было таким: 1 *рё* = 4 *бу* = 16 *сю* = 4000 *мон*.

³ 1 *го* = 0,18 л.

⁴ Суп из вареной говядины с овощами.

с гербами прямо на голое тело. Словом, вид имели престранный – кто бы сейчас на нас взглянул, посмеялся бы.

Столовая была устроена так, что сидя не поешь. Пол дощатый, ступать жестко. Поэтому заходили в столовку прямо в тапочках, ели стоя. Поначалу строились в очередь, но она быстро распадалась, студенты грудились вокруг котла, набирали себе полные чашки и жрали стоя, похожие на чертей. Зато еда была дешевой. По дням, в обозначение которых входила единица или шестерка, полагались овощи (вареный лук и батат); по дням с пятеркой и десяткой – соевая похлебка; в дни с тройкой и восьмеркой – похлебка из морских ракушек. Так что ты точно знал, что дадут сегодня.

Две истории про наготу

Про наготу у меня есть смешной рассказ. Летним вечером мы – человек пять или шесть – разжились сакэ. Кто-то предложил употребить его на площадке, предназначенной для сушки белья. Она располагалась на крыше. Всей компанией мы бросились туда, но, пока поднимались, заметили, что там уже прохлаждаются три или четыре служанки. Вот незадача! Если мы будем выпивать в их присутствии, эти подлые твари наверняка нажалуются начальству! С нами был Мацуока Юки из княжества Тёсю. Он сказал, что знает, как в мгновение ока прогнать этих теток. Он разделся догола, вышел на крышу и произнес: «Госпожа Омацу! Госпожа Отакэ! Что-то жарко сегодня!» И тут же растянулся с расставленными ногами перед женщинами. Тут даже всякое повидавшие тетки не выдержали. Сстроив недовольные рожи, они спустились вниз. Тогда Мацуока прокричал нам сверху по-голландски, что путь свободен, и мы притащили на крышу свои бутылки. Так нам удалось хорошенько попить на холодке.

А вот еще один случай про наготу. В тот раз я опростоволосился. Лежу я вечером в своей комнате на втором этаже, и тут слышу, как какая-то женщина кличет меня снизу. Я уже принял свою порцию, только что задремал. Я подумал: «Что за противная служанка! Что ей надо от меня в такое-то время!» Но она продолжала звать меня, нужно вставать. Я вскочил и как был, нагишом, выскочил на лестницу и скатился вниз. «Чего надо?» – закричал я, но тут увидел, что передо мной вовсе не служанка, а госпожа Огата. Что делать? Куда скрыться? Я же голый, так что отвесить поклон не могу, куда свое тело деть – не

знаю! Наверное, госпожа Огата меня пожалела. Не сказав ни слова, она ушла к себе. На следующее утро я не нашел в себе сил, чтобы принести извинения. Так и остался непросщенным. Такое не забывается. Несколько лет назад я посетил дом Огата в Осаке и вспомнил ту неожиданную встречу сорокалетней давности, и мне стало так же стыдно.

Антисанитария

Сказать, что в общежитии не все обстояло идеально с чистотой и порядком, – значит ничего не сказать. Там царили хаос и бардак. Там было страшно грязно – настоящая помойка. В комнатах не разрешалось держать тазы и тарелки, но они там были. Имелись и глиняные печки для готовки, и кастрюли. В комнатах и готовили, и кушали. Окрестности стола для занятий представляли собой подобие кухни. Тем не менее, она была далека от совершенства – утвари не хватало. Тазы для мытья использовались вместо кастрюль. Если нам в жаркий день удавалось разжиться лапшой, мы просили поварику сварить ее на кухне, а промывали ее в тазике для умывания. Чтобы приготовить соус, воровали сахар из подсобки. Чтобы разделать рыбу или помыть овощи, в ход шел тот же самый тазик. Никто не считал, что это не гигиенично.

И это еще не все. Вши были неотъемлемой частью нашей жизни. Избавиться от них не мог никто. Разденешься – штук пять или десять точно поймаешь. Весной, когда потеплеет, таскаешь их прямо из-за воротника. Один парень философствовал так: «Вши – все равно что бататы на нашем столе. Зимой их полно, весной и летом становится сильно меньше, в жару на пару-тройку дней совсем исчезают, а в девятом месяце, когда соберут новый урожай, наши вши снова тут как тут. Смешно, правда?»

Прачки выводили вшей кипятком. Но я сказал, что этот старый способ недостаточно хорош, – есть другой, с помощью которого можно разом всех вшей извести. В морозную зимнюю ночь я вывесил свою одежду на улице и покончил разом и с вшами, и с их яйцами. Я не сам это придумал, кто-то меня научил.

Операция «Свинья»

Как легко догадаться, мало кто из студентов одевался прилично. Вот выходим мы вечером в город по случаю какого-нибудь праздника. Встречные люди и в особенности девицы шарахаются в сторону и кричат: «Студенты прутся!» Так приветают только неприкасаемых *эта*⁵. Ужасно! В глазах горожан мы выглядели, словно эти отверженные.

Однажды хозяин нашей любимой мясной едальни, что у моста Нанива, купил свинью. Хоть он все время имел дело с убойной, но был слабаком и забить свинью не решался. Тут он вспомнил про нас, студентов. Мы ему ответили так: «Прикончить твою свинью мы согласны, а что мы с этого поймеем?» Хозяин призадумался, а мы потребовали у него свиную голову. Он согласился. Хорошо, но как убивать? Мы изучали биологию и знали, что самый простой способ умертвить животное – лишить его воздуха. Едальня находилась на берегу реки. Мы потащили туда свинью, связали ей ноги и бросили в воду. Она тут же и захлебнулась. Мы же получили обещанную голову и позаимствовали хозяйский разделочный топорик. Первым делом провели анатомическое обследование – мозг, глаза и так далее. А потом мелко порубили голову на куски, сварили и съели. Нет ничего удивительного в том, что в глазах хозяина мясной лавки мы выглядели как настоящие отверженные.

Медвежья услуга

А еще был такой случай. Фармацевт из района Досёмати получил то ли из Тамбы, то ли из Танго живого медведя. Через знакомого врача он попросил нас – якобы для повышения своего образовательного уровня – провести его вскрытие⁶. Прекрасное предложение! В то время мы увлекались анатомией и потому сразу же согласились. Я не был врачом и потому остался в школе, но семь или восемь студентов отправились на вскрытие. Вскрыли тушу

⁵ Неприкасаемые (*эта*) находились вне основных сословных градаций токугавского общества. К ним относились люди «низких» занятий – убойщики скота, кожевники, могильщики, палачи, мусорщики и т.п.

⁶ Традиционная медицина не знала хирургии и вскрытия трупов (как людей, так и животных), так что даже врачи имели слабое представление о строении внутренних органов.

медведя, объяснили фармацевту: вот это сердце, а это легкие... Когда дело дошло до печени, фармацевт с врачом забрали ее, сказали «большое спасибо» и ретировались. И тогда студенты соображали: эти люди знали, что студенты Огата сумеют достать желчный пузырь неповрежденным, и потому как только он был извлечен, они тут же потеряли всякий интерес⁷.

Студенты решили, что их просто «использовали» и задумали отыграться. Обязанности распределили таким образом. Среди нас был студент по имени Танака Хацутаро (сейчас он переименован на Синго и живет в Канадзаве) – человек бойкий на язык, речистый, очень жесткий и напористый. Его выбрали главным переговорщиком. Я составил черновик письма. Нумата Умпэй (он приехал из Ииямы, что в Синсю), обладавший каллиграфическим почерком, перебелил послание. Потом стали искать парня, способного угрожать, но такового не сыскалось, так что пришлось сойтись на студенте, который только выглядел похожим на типа, способного решать проблемы быстро и грубо. В общем, собрали силу в шесть-семь человек, владеющих логикой убеждения. На сей раз мы не смотрелись оборванцами, вырядились в парадную одежду, нацепили по два меча и, прибегая к железной логике, выступили в защиту медицины, поставив фармацевта и врача в безвыходное положение – они признали свое неподобающее поведение. Они не только извинились – мы унесли с собой 5 сё сакэ⁸, курицу и рыбу. Довольные собой, мы устроили в общежитии настоящий пир.

Театральная драма

Но не только победы ожидали нас. Когда самураи соответствующей должности являлись с проверкой в театры, расположенные в районе Дотомбори, их тут же проводили в ложу, служители приносили им чай и фрукты, а они с внушительным видом наблюдали за представлением. Мы знали об этом, и некоторые дурные студенты, нацепив мечи и накинув темные капюшоны, частенько являлись в таком обличье в театр, делая вид, что пришли с инспекцией, а сами спокойно наслаждались представлением. Так происходило много раз, и никто ничего не заподозрил. Но однажды

⁷ Желчный пузырь медведя считался ценным лекарственным средством.

⁸ 1 сё = 1,8 л.

в театре оказались настоящие проверяльщики. Никаких оправданий у студентов не было – они мошеннически выдавали себя за официальных лиц. Поднялся ужасный скандал, но у одного студента оказались связи на самом верху, так что в результате слезных извинений делу не дали хода, и оно рассосалось. Но студентам пришлось притащить соответствующим чинам сакэ и рыбу, что обошлось им в сумму около трех бу.

Во главе этой аферы стоял Такахаси Дзюньэки, студент из Миядзу, что в провинции Танго. Но я не поддавался на его уговоры: и в театре никогда не бывал, и полагал, что затеянное им дело – нехорошее и опасное. Он же отвечал, что мои опасения – ерунда. Когда студентов поймали, было не до смеха, я сильно волновался о последствиях.

Инсценировки потасовок

А вот еще одна история. Нынешним японцам трудно себе представить степень нашей разнузданности. Поскольку настоящей полиции тогда не существовало, люди могли вести себя своенравно. Уж так сложилось, что осакские горожане – ужасные трусы. Когда в Эдо случалась уличная драка, вокруг собиралась толпа, а вот в Осаке все разбегались.

Летом после ужина мы имели обыкновение шататься по городу. По предварительному сговору мы устраивали на улице фальшивую потасовку. С разъяренными лицами и воплями мы бросались в драку и делали вид, что от души мутузим друг друга. Лавочники замечали товары внутри магазинов, запирались, улица пустела. Никакой «выгоды» при этом мы не преследовали. Мы делились на две группы по несколько человек и устраивали весь этот спектакль в каком-нибудь оживленном месте. Чаще всего в квартале публичных домов Симмати. Но если бы мы «дрались» только в одном месте, нас бы разоблачили. Поэтому мы «кочевали» – сегодня это был квартал Дотомбори, а завтра – Дзюнкэймати. В этом деле особенно отличался Нумата Умпэй из Синсю⁹.

⁹ Нумата Умпэй 沼田芸平 (1829–1890) – впоследствии деревенский врач, активный участник Движения за свободу и народные права.

Убийство понарошку

Случалось и такое...

Вместе с моим старшим товарищем по имени Мацусита Гэмпо¹⁰ (он был родом из княжества Курумэ) мы отправились поглазеть на вечерний рынок Горё, расположенный неподалеку от святилища. Мы ошивались возле прилавка с растениями. Тут хозяин произнес: «Господа, только ведите себя прилично!» Мы так поняли, что по нашему виду он принял нас за воров, а это было оскорбительно. Я гневно закричал – совершенно в духе Бэнтэн Кодзо:¹¹ «Мацусита! Убей его! Не говори ни слова – убей!». Мацусита ответил примирительно: «Может, все-таки пожалеем?». Я сказал: «Отстань! Не мешай мне! Я сам убью его одним ударом!».

Вокруг стали собираться люди, целая толпа. Дело принимало интересный оборот, это мне нравилось. Тут откуда ни возьмись появился борец сумо и сказал: «Простите хозяина, пожалуйста!» Я отвечал: «Хорошо, если ты просишь за него, так и быть – прошу. Но если он завтра осмелится здесь торговать, я его все равно убью! Но раз ты просишь, сегодня я его пощажу».

На следующий вечер мы снова отправились на рынок. Цветочник оказался честным человеком, на месте его прилавка зияла пустота. Вот я и говорю: полиции тогда не было, можно было творить, что хочешь. Но вообще-то я не творил настоящих безобразий. Случай с цветочником на такое безобразие не тянет.

Держи вора!

Один раз я влип по-настоящему. Неподалеку от того же рынка Горё по случаю праздника Сунамоти¹² устраивали процессию: сотня-другая молодых людей с бумажными фонариками на голове с шумными выкриками обходили квартал. Нас было трое или четверо студентов, и я, не знаю уж зачем, наверное, под влиянием выпитого, сбил палкой такой фонарик с головы молодого человека. Он закричал: «Держи вора!». А в Осаке ведь как было принято: вора без лишних слов

¹⁰ Мацусита Гэмпо 松下元芳 (1831–1870) – врач, преподавал в основанной Фукудзава школе Кэйо Гидзюку.

¹¹ Бэнтэн Кодзо: 弁天小僧 – герой постановок театра Кабуки, злодей и разбойник.

¹² Сунамоти – букв. «принесение песка». Во главе процессии шествуют люди, несущие на коромыслах песок, требующийся при постройке святилища или храма.

забивают до смерти, а труп бросают в реку. Я испугался по-настоящему. Нужно бежать! И я припустил – босиком – в направлении Додзимы. Короткий меч был при мне. Если бы меня догнали, пришлось бы пустить его в ход. Это была бы катастрофа. Порань я кого – прощения не добиться. Вот я и бежал изо всех сил – пока не добежал до представительства Накацу. Только там я смог перевести дух.

Никаких богов и будд!

На северо-востоке Осаки есть мост Асия. Место перед ним называлось Цукидзи. Там выстроились заведения с сомнительной репутацией. Это был грязный район дешевых проституток. При входе в него находился храмик, посвященный то ли Дзидзо, то ли Компире¹³. Похоже, что он пользовался популярностью, ведь ему делали много подношений: рисунки молящихся мужчин и женщин; конверт, приклеенный к рамке с пучком волос¹⁴. Присмотревшись к этим подношениям при свете дня, мы ушли, а ночью своровали и пучок, и конверты. Вернувшись в общежитие, мы открывали конверты и читали вложенные в них молитвы. Люди просили о самом разном, и это было интересно! Ага! Вот этот мужик хочет распрощаться с азартными играми, а этот с выпивкой. Этот благодарит, что корабль не затонул во время шторма. Кто-то винился, что чересчур любвеобилен, а вот какая-то девица мечтает о мужчине. Любопытно, сколько ей годков? Мы воровали такие письма не один раз, нам было интересно. Читать для забавы сокровенные послания было большим грехом. Но уж такие были голландоведы, не признававшие ни богов, ни будд.

Подделываю письмо проститутки

Вот еще одна забавная история из студенческой жизни. Почти все наши студенты были сыновьями врачей. Они приезжали в Осаку, как и положено врачам, – либо бритыми наголо, либо с косичкой. Но пробыв какое-то время в Осаке, они начинали предпочитать выбритый лоб – так, как это делали обычные самураи. Сейчас похожие прически

¹³ Бодхисаттва Дзидзо. В посвященных ему храмах часто почитали души младенцев, погибших от инфантицида, широко распространенного в Японии. В условиях отсутствия надежных противозачаточных средств проститутки часто беременели и избавлялись от плода или прибегали к неонациду. Компира – популярное божество народного буддизма.

¹⁴ Знак ухода в монахи.

носят монахи из школы Синсю¹⁵. Наши студенты гордо вышагивали с такой вот самурайской прической и нацепив меч.

У нас учился студент по имени Тэдзука¹⁶, он приехал из Эдо. Он был сыном врача, состоявшего при доме Токугава. Он носил кимоно с гербом цветка мальвы¹⁷ – подарок его отцу от сёгуна. Вместе с самурайской прической и своими прекрасными мечами он выглядел великолепно, но он был шалопаем. Однажды я сказал ему: «Если надумаешь учиться как следует, я каждый день буду заниматься с тобой. Но ты должен прекратить развлекаться в квартале Кита-но Синти». Тэдзука изобразил раскаяние и произнес: «Да мне об этом и вспомнить противно! Я совсем там теперь не бываю». – «Тогда я с тобой обязательно позанимаюсь. Но я в тебе уверен не до конца. Напиши обязательство туда не ходить». – «Договорились. Я что хочешь подпишу». И действительно, он написал такое обязательство: буду, мол, учиться как следует, а если сорвусь, остригусь под монаха.

Как и договорились, я занимался с Тэдзукой каждый день. Но потом, должен повиниться, мне стало скучно. Тэдзука занимался, а я заскучал – нехорошо получилось. Запал пропал, и я стал расспрашивать знакомых о той женщине из Синти, с которой у Тэдзуки была связь. Ее имя выяснилось быстро, и я написал от имени этой проститутки письмо Тэдзуке с соблюдением всех норм таких посланий. Женщина якобы писала про бессердечие Тэдзуки и про то, что он обещал подарить ей какие-то благовония. У меня дурной почерк, и я попросил Мацуока Юки, приехавшего из Синсю, переписать письмо женским почерком. Потом мы велели дежурному: «Скажешь, что это письмо принесли из Синти. А если проболтаешься, мы тебя хорошенько вздуем. Усёк?» Мы тайно наблюдали за Тэдзукой. Конечно, весь этот розыгрыш был отвратительным поступком.

Через пару-тройку дней Тэдзука все-таки отправился в Синти. Мы с нетерпением ожидали его возвращения. Он вернулся спокойным, но и мы тоже были спокойны. Я схватил его, в моих руках были

¹⁵ Синсю – сокращенное именование буддийской школы Дзё:до-Синсю: 浄土真宗 (Истинная вера в Чистую Землю). Ее последователи верят, что в результате праведного поведения и молитв будде Амиде они возродятся в Чистой Земле (раю). В токугавской Японии адепты Синсю были наиболее многочисленными. Сёгунский дом тоже принадлежал к их числу.

¹⁶ Речь идет о Тэдзука Рицудзо: 手塚律蔵 (1822–1878). После революции Мэйдзи служил в МИДе.

¹⁷ Мальва – герб дома Токугава.

ножницы. «Чего ты от меня хочешь?» – закричал Тэдзука. Я ответил: «Ничего особенного! Просто остригу тебя! Через пару лет ты снова превратишься в красавца. Приготовься!». Я схватил его за косичку и стал клацать ножницами, а Тэдзука взмолился о пощаде. Тут один из моих сообщников притворно вмешался: «Фукудзава, не слишком ли ты лютуешь?». Я сказал: «Какие могут быть претензии? Уговор есть уговор». Тогда вмешались другие заговорщики, и мы, в конце концов, уговорились отменить стрижку в обмен на вино и курятину. Попивая сакэ, я снова огорошил Тэдзуку: «А не отправиться ли тебе еще разок в Синти? А то сакэ на исходе».

Мы поступили жестоко, но для Тэдзуки это был хороший урок.

Нелепые предрассудки

В школе учились самые разные студенты. Вот, например, Ямада Кэнсукэ из провинции Хиго верил в какие-то там знамения. Он избегал в своей речи слога «*си*», потому что он мог обозначать смерть. В то время в Дотомбори выступал актер Эбидзо, отец нынешнего Итикава Дандзюро¹⁸. Так вот, при разговоре о театре Ямада говорил не «*сибай*», а «*ёбай*», «сватовство»¹⁹. Вот настолько он был человеком предрассудочным. Он обладал сходным характером, но студенты его не жаловали. В конце одного разговора, в котором я высмеивал его, он произнес: «Послушай, Фукудзава, ты все время меня достал. Но ты вот представь себе такое. В первый день нового года ты отправляешься с поздравительными визитами. Что ты предпочитаешь встретить на пути – похороны или процессию, где люди несут в открытом паланкине птицу долголетия и счастья – журавля?». Я привычно отвечал издевательским тоном: «Это вопрос простой! Я выбираю журавля – покойника ведь не сожрешь! А если птицу мне не дадут, тогда мне без разницы – журавль это или покойник».

В другой раз я сговорился с Нагаё Сэнсай²⁰ (а, может, и с кем-то другим), чтобы поглумиться над Ямадой как следует. Вот что мы

¹⁸ Итикава Дандзюро: 市川團十郎 – сценическое имя актеров из семьи Итикава, которое они получают на пике своей карьеры. Под «нынешним» имеется в виду Итикава Дандзюро: IX (1838–1903), носивший это имя с 1874 по 1903 г.

¹⁹ *Сибай* 芝居 – спектакль, представление; *ёбай* よばい.

²⁰ Нагаё Сэнсай 長與専斎 (1838–1902) занимал впоследствии крупные должности в правительстве (занимался созданием современной системы здравоохранения), был членом Совета старейшин (Гэнро:ин) и верхней палаты парламента.

придумали. Пока Ямады у себя не было, мы обернули его тушечницу в бумагу – так, что она стала похожа на поминальную табличку. У Нагаё хороший почерк, и он вывел на ней посмертное имя Ямады. Табличку поместили на стол, а перед ней поставили его же чашку для еды, насыпали туда пепла. Зажгли и благовония. Когда Ямада вернулся, у него сделалось ужасное лицо, он весь позеленел и разозлился. Мы даже испугались. Если он был бы менее сдержанным человеком, он просто изрубил бы нас на куски своим мечом.

Про рыбу фугу

А вот еще одна страшная история – как я накормил одного человека якобы рыбой фугу. Когда я жил в Осаке, частенько угощался ей. Не брезговал и печенью, а это опасно. Однажды я предложил угостить маринованным морским окуном студента по имени Мито Гэнкан (он приехал из Нигаты, что в провинции Аки). Он с благодарностью согласился, сказав, что очень любит окуня. Прошла пара часиков, и я сказал ему: «Слышь, какая ерунда получилась. Я все перепутал и угостил тебя не окунем, а рыбой фугу. Мне подарили ее в представительстве Накацу. Ты ведь представляешь себе как устроены кишки? Теперь рвотное уже не поможет. Но все-таки попробуй сам выблевать яд». Мито изучал медицину, он меня понял. Он пришел в неописуемый гнев и готов был изничтожить меня. Уже потом я решил, что, пожалуй, перестарался – дело могло закончиться плохо.

Воровство в харчевнях

Я уже поминал, что цветочник на рынке Горё заподозрил в нас воришек. Он был недалеко от истины – студенты школы Огата и вправду подворовывали. Правда, это не касалось дорогих вещей, скажем, в магазине одежды. Угостившись вином в какой-нибудь харчевне, мы прихватывали с собой чарку, тарелочку или еще какую-нибудь подручную мелочь. Мы хвалились друг перед другом такой ловкостью рук. На больших сборищах, вроде проводов кого-то на родину, добыча была особенно велика. После одной вечеринки кто-то засунул за спиной под одежду большой веер, кто-то спрятал за пазуху целое блюдо, а кто-то довольствовался крышкой от суповой пиалы в рукаве. Один парень сказал: «Вы все мелочитесь, я вам сейчас покажу, что такое настоящее мастерство!». И продемонстрировал

десяток тарелок, которые он унес в узелке из полотенца. Сейчас я думаю, что поскольку мы пировали в одних и тех же местах, там все про нас понимали и включали цену сворованного в счет. Там знали, что мы заядлые воришки.

Швыряюсь тарелками с моста Нанива

Еще раз про тарелки. Летний вечер, начало одиннадцатого. Кто-то сказал: «Надо бы горло промочить!». Тут же образовалась компания человек из четырех или пяти. Ворота общежития были уже закрыты, но мы пригрозили дежурному, и он выпустил нас. В крошечной едальне под открытым небом выпили дешевого сакэ, закусили дрянным супчиком из осьминога, а на прощанье по привычке захватили с собой несколько тарелок. В начале первого мы оказались на мосту Нанива. Под нами проплывала прогулочная лодка, откуда доносились звуки сямисэна. И тут я сказал: «Гляди-ка! Мы потратили все свои 150 мон, выпили по чуть-чуть, а уже должны возвращаться. А этим в лодке хоть бы хны! У нас нет денег, потому что у этих их навалом!». С этими словами я запустил несколько тарелок в лодку. Когда бросил последнюю, сямисэн замолк. Тогда мы опрометью бросились бежать – может, я кого там в лодке зашиб.

По странному стечению обстоятельств через месяц выяснились подробности того, что случилось в лодке. Один наш студент отправился в Синти, познакомился с гейшей и вот что она ему рассказала. «И какие же мерзавцы бывают на этом свете! Месяц назад катаюсь я с клиентом на лодке, остановились у моста, и тут кто-то стал швыряться с моста тарелками, одна попала в сямисэн, всю кожу порвала. Страшное дело! Хорошо еще, что сама цела осталась. Это какие-то парни швырялись тарелками, они побежали к югу. И каких только подонков не бывает!». Из рассказа гейши мы прекрасно поняли, кто были эти «подонки». Наша проделка была нехороша, так что мы предпочли ничего никому не рассказывать.

Завязываю с сакэ и начинаю курить

Пьянством я нанес изрядный вред своему здоровью, я его ощущаю и сегодня. У студентов школы Огата не было такой идеи, что воздержание от алкоголя – это достоинство. Я же вдруг подумал, что так дело не пойдет, и буквально мгновенно бросил пить. Мои приятели

не оценили этого и ржали: «Ишь ты! Фукудзава вчера завязал! Ничего себе! Во дает! И что – теперь навсегда? Да ты и десяти дней не выдержишься! Три дня потерпишь, а потом развяжешься!». Все надо мной издевались, но я держался тверже алмаза – и десять дней, и пятнадцать ни капли в рот не брал. Тогда мой друг Такахаси Дзюнъэки принялся по-доброму увещевать меня: «Ты держишься молодцом! И в будущем так держись! Я тобой горжусь. Но человек таков, что у него должны быть привычки, пусть даже и дурные. Человек без привычек – это не здорово. Человек не может жить без привычек. Если ты решил отказаться от алкоголя, тогда хоть курить начни. Должна же быть у человека какая-нибудь радость!».

Так-то оно так, но только я табак терпеть не мог. Когда другие студенты закуривали трубку, я говорил: «Не понимаю, как вы можете курить такую бесполезную и вредную дрянь. Только воняете и воздух портите. Чтоб никто у меня под боком не курил!». После того, как я вот так ругался на курильщиков, начать курить мне было ох как непросто, но и резоны Такахаси не были лишены смысла. Так что я решил все-таки разок попробовать. Ребята засуетились: отсыпали табаку, одолжили трубку, а кто-то даже купил мне табачку полегче. Но все это вовсе не означало, что они хотели мне добра. Я прекрасно понимал, что они собираются сделать из меня курильщика и поиздеваться над человеком, который раньше издевался над ними. В общем, я напрочь отказался от алкоголя и против своей воли закурил трубку. Прошло десять дней, потом пятнадцать, и дым, казавшийся мне вонючим и горьким, перестал быть таковым. Я почувствовал, что курение доставляет мне удовольствие. А через месяц сделался заядлым курильщиком.

Не стоит забывать, что я любил сакэ. Я знал, что даю слабину, но мне так хотелось пропустить чарочку! Как-то раз я выпил одну, потом другую... Я говорил себе, что все, хватит, но когда встряхивал бутылку и слышал, что там еще булькает, не мог остановиться. В общем, выпил три *го*, а на следующий день уже пять. Я вернулся к своей привычной дозе. Я хотел бросить курить, но у меня ничего не вышло. Глупо, но тут уж ничего не попишешь. В общем, отказаться от вина у меня не получилось, и, как это ни ужасно, через месяц оказался «при двух мечях» – с бутылкой и с трубкой. Сейчас мне больше шестидесяти лет, пить я бросил, а вот курить – так нет. Я сам навредил своему здоровью, и этому нет оправдания.

Возвращаясь из Момоямы, тушим пожар

В нашей школе было полно бедных студентов. При походе в харчевню хорошая рыба нам доставалась редко. Вечером мы направлялись на рыбный рынок, расположенный в районе моста Тэнсин или Тэмма. Там задешево продавали то, что не продали днем. Мы закупились, возвращались в общежитие, мыли рыбу в тазике для умывания и разделявали ее на столешнице от сломанного стола с помощью боевого ножа. У меня руки растут из правильного места, так что разделка доставалась мне.

Была третья луна, цвели персиковые деревья. Мы слышали, что красивее всего они цветут на горе Момояма, расположенной к востоку от осацкого замка. Вот мы и решили там полюбоваться. О том, чтобы выпить и закусить в тамошней чайной, речи не шло, поэтому накануне вечером мы купили на рынке рыбы, запаслись и тофу с овощами. Рано утром все приготовили, кое-как упаковали, купили сакэ и компанией человек в пятнадцать отправились к Момояме. Мы хорошенько попиروвали и пришли в прекрасное расположение духа. Тут взглянули на запад и увидели, что на юге Осаки бушует пожар. Было начало восьмого, солнце уже заходило. Мы ужасно разволновались, потому что в этот день Нагаё Сэнсай должен был пойти в театр, что в Дотомбори. Мы находились в Момояме, от далекого пожара нам самим было ни жарко, ни холодно, но Нагаё ведь был там! А что, если он сгорел? В общем, мы бросились спасать Нагаё. Пробежали до Осаки два или три *ри*²¹, добрались до Дотомбори. Полыхало жарко, все три тамошних театра сгорели дотла, огонь распространялся к северу. Мы страшно беспокоились о Нагаё, но найти его не было никакой возможности. Солнце село, настала ночь. Ищи не ищи – все без толку. «Давайте хоть на огонь поглазеем!», – сказал кто-то, и мы подобрались поближе к пожару. Люди в страшной спешке спасали свое имущество. Нам тоже пришлось как следует потрудиться: таскали вещи, таскали узлы с постельным бельем, таскали шкафы. В то время в Осаке горящий дом было принято обрушивать с помощью канатов, привязанных к опорным столбам²². Нас попросили помочь, и мы взялись за канаты. Потом нас угостили рисовыми колобками и сакэ. Это было здорово!

²¹ 1 *ри* = 3973 м.

²² Так поступали, чтобы огонь не перекидывался на соседние крыши. Повалившийся дом было легче тушить на земле.

Когда мы разделились с угощением, было уже совсем поздно. Вернулись в общежитие. А пожар-то еще не потушили. Мы решили снова отправиться туда. Жители Осаки вели себя на пожарах специфически. Люди толпились и галдели вдалеке от огня. А ближе к огню – тишина, никого нет. Странная картина: здесь шумят, а там тихо. Криками и пинками мы без труда проложили путь к огню. Там оказались только пожарные и студенты школы Огата. Мы там трудились изо всех сил, хорошо поработали.

Я много говорил о безобразиях, которые творили студенты, но отношения между нами были самыми доброжелательными, мы не враждовали. Разумеется, споры были. Спорили о самых разных вещах, но жаркие дискуссии не приводили к вражде. По своему характеру я таков, что в спорах с друзьями не доводил дело до крайности. Я старался дискутировать только на какие-нибудь интересные темы. Вот зашел разговор о 47 ронинах²³, и возник спор, вели они себя благородно или нет. Я сказал: «Это ведь как посмотреть, язык без костей. Если ты скажешь, что благородно, я буду доказывать обратное. А если скажешь, что неблагородно, тоже найдусь с ответом. Приступим! Я буду один против вас всех!». Кто-то не соглашался со мной, кто-то поддерживал. Можно было выиграть спор, а можно и проиграть. Это было интересно. Мы спорили на повышенных тонах, но без злобы. Никогда не доходило до исступления, когда кто-нибудь говорил: только я прав, и все тут.

Про наши занятия

Эти школяры только выйдут в город, так тут же и набедокурят, останутся в общежитии – поссорятся... Если судить только по тому, что я здесь понарасказывал, то так и покажется: эти парни науками не занимались, только бездельничали. Но это вовсе не так. На самом деле студенты школы Огата были в учении и науках первыми в тогдашней Японии.

Сошлюсь на личный пример. В третьем месяце третьего года Ансэй (1856) я валялся с температурой в комнате старшего брата в представительстве Накацу в Осаке. К счастью, я уже пришел в себя.

²³ Речь идет о 47 самураях, которые поклялись отомстить обидчику их сюзерена и в конце концов убили его. В токугавской самурайской культуре они обычно считались воплощением воинской верности и благородства.

Пока болел, под голову клал свернутую трубкой подушку для сидения на полу, но когда стал выздоравливать, мне захотелось поспать на обычной подушке, и я велел слуге брата принести мне ее. Он стал искать, но не нашел. И тут я сообразил, что хотя я жил в представительстве уже целый год, но подушки так и не завел. Я потерял счет времени, не различал ни дня, ни ночи. Когда наступала ночь, спать не ложился, только и делал, что книги читал. Если уставал от чтения и тянуло в сон, я засыпал, положив голову на стол, или растягивался на полу, и тогда подушкой мне служила ступенька *токонома*²⁴. За все это время я ни разу не постелил матраса с простыней, не положил себе под голову подушки. Только теперь до меня наконец-то дошло: поскольку я не спал по-человечески, то и подушки у меня попросту не завелось. И я отнюдь не являлся исключением в части усердных занятий – большинство студентов были такими же. Заниматься больше, чем мы, было физически невозможно.

И после того, как поселился уже в общежитии, я не отступался. Если выпивал во время ужина, то засыпал, но, чуть подремав, просыпался около десяти. И тогда садился за книги и читал ночь напролет. Когда доносились звуки из кухни, это означало, что там готовятся к завтраку, и только тогда я уходил ко сну. Я просыпался уже к завтраку, шел в баню, приводил себя в порядок, возвращался в общежитие, завтракал и снова садился за книгу. Такого образа жизни я придерживался практически все время.

С гигиеной, конечно, обстояло плохо. Хоть студентам и твердили о важности гигиены, на практике о ней не думали и не вспоминали. Никто нас за это не отчитывал. А мы сами не обращали на чистоту никакого внимания. Молодые были, здоровые. Наверное, кто-то думал и так: если чересчур заботиться о чистоте, тогда, наоборот, навредишь здоровью.

Соревнование по переписыванию и чтению

Теперь расскажу, как мы учились. Поступивший в школу человек ничего не смыслил в голландском. С ним поступали так: выдавали ему напечатанный в Эдо двухтомник. Первый том – «Грамматика», второй – «Синтаксис». Новичок брался за «Грамматику»,

²⁴ *Токонома* – чуть приподнятая над полом часть комнаты, где полагалось вешать живописный или каллиграфический свиток, ставить цветы.

учился с помощью преподавателя читать ее вслух. Покончив с первым томом, брался за «Синтаксис», который осваивался таким же образом. После этого наступал черед занятий по самостоятельному чтению. Они проходили следующим образом. К группе из 10 или 15 человек приставлялся руководитель. Он выслушивал, как студент читает текст. К этому времени упор делался уже на самостоятельные занятия. При подготовке запрещалось обращаться к другим студентам за помощью. Да таких паршивых студентов у нас и не бывало. В школьной библиотеке имелись книги только по физике и медицине. Их было меньше десятка. Это были книги, привезенные из Голландии. Каждая – в одном экземпляре. Студент, освоивший грамматику, должен был переписать соответствующую книгу. Вот с такими копиями и проводились занятия по чтению шесть раз в месяц.

Поскольку вся группа из десяти, скажем, человек не могла одновременно заниматься копированием одной и той же книги, устанавливали очередь жребием. Европейской бумаги, разумеется, не было, писали уставным почерком на шершавой японской. Поскольку писать на такой бумаге было неудобно, ее предварительно разглаживали фарфоровой чашкой, а потом уже переписывали «орлиным пером». Такие перышки длиною в три суна делались из пера то ли журавля, то ли гуся. Их в то время продавали сколько хочешь в аптеках. Я еще слышал, что из них делали крючки для ловли тунца. Стоили всего ничего. Заостришь перо ножичком – вот тебе и ручка получилась. Никаких европейских чернил, понятно, не имелось. Растворишь тушь в банке – вот тебе и чернила. Поскольку все студенты были обязаны заниматься копированием, мы набивали руку, получалось хорошо. Один читает, а другой со слуха переписывает, ошибок не случалось. Вот так вдвоем и переписывали. Переписали – передали книгу другим. Ну, и так дальше. Задание на урок большим не казалось – страниц пять.

Самостоятельные занятия

Хорошо, текст переписали. Никто тебя не учит, никто и не слушает – готовься сам. Мы стыдились тайком получать помощь, никто правил не нарушал. Ты должен в одиночку разобраться с текстом. У тебя есть учебник и словарь. На них и рассчитывай. Словарь – это

переписанная копия словаря доктора Хендрика ДUFFа²⁵, в школе имелся один экземпляр. Здоровенная книжища – шесть тысяч страниц. Поэтому словарь имелся только один – попробуй, перепиши! Голландец ДUFF когдa-то жил на острове Эдзима, что рядом с Нагасаки. Его словарь – перевод немецко-голландского словаря Халма²⁶, для всех голландоведов – сущее сокровище. Какой-то японец переписал его, а поскольку в школе Огата была только одна копия, возле полки с этим многотомным словарем всегда толпились студенты. Имелся и оригинал голландского лексикона Вейланда²⁷ в шести томах. Не нашел слова у ДUFFа – ищи у Вейланда. Но для начинающих Вейланд был труден – там все по-голландски написано. Поэтому ДUFFом пользовались больше. Дни проверочных занятий были определены заранее, ночь накануне даже лентяи бодрствовали. В комнате со словарем ДUFFа толпился десяток человек, они молча копались в словаре.

Но вот наступает проверочный день. Жребием определяется, кто и какой отрывок читает. Руководитель держит в руках оригинал книги. Каждый студент отвечает по попавшемуся ему отрывку. Если проваливается, наступает очередь следующего. Если и он не сдюжит, тогда – снова следующий. Кто смог прочесть – тому ставят белый кружок, кто провалился – черный. Кто прочел безупречно, устаивается белого треугольника. Он ценился в три раза больше кружка. Классы в школе делились на 7–8 ступеней. Если студент на протяжении трех месяцев достигал наивысших результатов, его переводили на следующую ступень. Старшие студенты вели уроки с младшими (это не касается проверочных занятий), и в результате между ними складывались поистине братские отношения. Подготовка к проверочным занятиям лежала на совести каждого студента, и шесть раз в месяц он как бы сдавал экзамен.

По мере продвижения в учебе все книги в библиотеке прочитывались, и студенту было нечем заняться. Требовалось практиковаться

²⁵ Хендрик ДUFF (Hendrik Doeff, 1777–1835) – глава голландской торговой фактории в Нагасаки. Прибыл в Японию в 1801 г. Во время наполеоновских войн, когда связь с Европой была прервана, с помощью японских переводчиков начал составлять голландско-японский словарь (работа закончена в 1817 г.). Словарь ходил в рукописных списках до 1858 г., когда сгунат разрешил опубликовать его.

²⁶ На самом деле это был голландско-французский словарь: Francois Halma. *Woordenboek der Nederduitsche en Fransche taalen*.

²⁷ *Nederduitsch Taalkundig Woordenboek door P. Weiland*.

на более сложных текстах. Самые продвинутые студенты брались за предисловия, которые не имели практической ценности. Или же просили самого Огату почитать им лекции. Я был одним из его слушателей. Слушая его, каждый раз ощущал точность и широту его знаний – он был светилом в голландоведении, его гигантом. После занятия мы возвращались в общежитие, и мои друзья говорили: «Ну как тебе сегодняшняя лекция? Мы просто неучи по сравнению с ним».

Наши хулиганские вылазки в город, сопровождавшиеся возлияниями, приходились на вечера или на следующие дни после проверочных уроков – ведь до следующего испытания оставалось еще несколько дней. Однако по мере приближения очередного испытания мы занимались все усерднее. Разумеется, твои успехи зависели и от природных способностей, но никто не мог перейти в следующий класс или получить свидетельство об окончании только потому, что он долго пробыл в стенах школы. Система подготовки способствовала получению настоящих знаний, так что студенты научались хорошо читать на голландском.

Переписывание книг

Расскажу между делом еще одну историю про словарь ДUFFа. В то время многие князья делали заказы на переписывание этого словаря. Эта работа приносила студентам доход. Гонорар за переписку рассчитывался за страницу, в которой 10 вертикальных строчек по 20 знаков каждая. В словаре ДUFFа с его горизонтальными строками на странице насчитывалось 30 строчек. За переписку такой страницы платили 16 *мон*. Плата за примечания на японском составляла 8 *мон*. Это было намного больше, чем гонорар за переписывание текста на японском языке. Перепишешь 10 страниц на голландском и получишь целых 160 *мон*. 10 страниц примечаний на японском – 80 *мон*. Кто-то переписывал голландскую часть, кто-то – японскую. Полный текст – это три тысячи страниц. Хороший заработок! Он сильно выручал студентов. Сейчас такие деньги кажутся ничтожными, но тогда это была изрядная сумма. Один *коку*²⁸ белого риса стоил 3 *бу* и 2 *сю*, один *сё сакэ* – от 164 до 200 *мон*, а месячная плата за общежитие

²⁸ 1 *коку* = 150 кг.

1 *бу* и 2–3 *сю*, то есть меньше 100 *мон* в день. Если ты переписал за день 10 страниц словаря, получал 164 *мон*, то есть обеспечивал себе этот день с лихвой. Переписчики с голландского были на особом положении – перепиской с японского ты не мог заработать на образование и общежитие.

Приведу один конкретный пример. Князья жили в Эдо, так что спрос на переписку Дуффа и других голландских книг был там велик. В Эдо платили за переписку хорошо – намного больше, чем в Осаке. Человек по имени Судзуки Гироку (он был из Канадзавы, княжество Кага) приехал из Эдо в Осаку учиться. В свое время он явился в Эдо не имея ни гроша, но из всех сил принялся за переписку голландских книг, выбился в люди и обзавелся капиталом. За год или два такой работы он скопил 20 *рё*-, отправился в Осаку и поступил в школу Огата. Закончив ее, вернулся в Канадзаву. Гонорары за переписку голландских книг позволили ему сделать это. Он полагал, что зарабатывать деньги перепиской лучше всего в Эдо, а вот учиться следует в Осаке. Он так и сделал.

Увлечение экспериментами

В те времена промышленности в Японии еще не было. Никакого парового двигателя не увидишь. Химического оборудования не существовало. Даже самого простого. Но мы все-таки имели какие-то общие представления о механизмах и химии, и нам хотелось применить знания на практике. Мы страстно желали сделать своими руками что-то такое, о чем написано в голландских книгах. Еще в Нагасаки я узнал, что олово можно припаять к железу с помощью хлорида цинка. В Японии для получения бронзы, то есть сплава меди и олова, издавна использовалась канифоль. Но вот мы узнали, что олово можно припаять и к железу, и решили получить хлорид цинка. В магазинах он не продавался, так что следовало его изготовить самим. Мы прочли, как это делается. И нам, в конце концов, удалось получить кислоту, мы растворили в ней цинк и попробовали спаять железо с оловом и у нас это здорово получилось. А ведь японские мастера не знали такого способа! Потом мы задумали получить йод. Порылись в книгах, отправились на рынок Тэмма, закупились водорослями. Мы полагали, что если сжечь их на огне, то добудем йод. Водоросли почернели, но толку не вышло.

Потом решили получить хлорид аммония. Разумеется, в магазинах ничего такого не продавалось. Для получения этого вещества требовались кости. Годились и лошадиные копыта. В лавках, торговавших изделиями из черепахового панциря, имелось сколько угодно обрезков копыт, нам их отдали бесплатно. Кажется, их можно было пустить на удобрение, но нам они были нужны для другого. Мы разжились такими обрезками в достаточном количестве, наложили их в бутылочки для сакэ, обмазали их глиной, поставили штуки три-четыре в большущий глиняный котел, а в бутылочки вставили керамические трубки так, что они выходили за пределы котла. Котел поместили на печку, раздули как следует угли и тогда из трубочек стала поступать жидкость. Это и был аммоний. Все шло прекрасно, но и воняло ужасно. Это и понятно: что кость, что копыта при нагревании должны вонять нестерпимо. Мы проводили свой эксперимент в крошечном школьном дворе, невыносимое зловоние проникало и в помещение. Разбежались даже самые отчаянные студенты. Вечером мы отправились в баню, от одежды несло так, что собаки на улице облаивали нас.

В следующий раз мы проводили опыт уже раздетыми, но потом от нас все равно исходила такая вонь, что люди шарахались. Зато сами экспериментаторы были довольны результатом, так что смрад нам был нипочем. Мы продолжали опыты, но окружающие были недовольны. Людям, которые работали в общежитии, становилось так дурно, что они не могли есть. Нам удалось получить некую аморфную массу, но до кристаллов дело не дошло. Это был какой-то недоделанный хлорид аммония. Недовольство окружающих тоже сыграло свою роль, и в один прекрасный день я решил эксперимент прекратить. Но среди нас находились люди и покруче меня. Они говорили: дело не доделано, а это для ученого – настоящий позор! Я, Мацусита Гэмпо из Курумэ и Цурута Сэнъян решили прекратить опыты, но несколько парней не отступились. Они наняли самую дешевую лодку с одним гребцом на реке Ёдогава, погрузили на нее оборудование и приступили к делу. Все бы ничего, да только задул ветер и стал сносить дым к берегу, там начали скандалить. Из-за этого парни стали то подниматься, то опускаться по течению – от мостов Тэндзин и Тэмман они спустились аж до моста Тамаэ. Вот так они спасались от неприятностей. Заводилой у них был Накамура Кёан из Компиры, что в провинции Сануки.

Наши студенты препарировали собак и кошек, анатомировали и казненных преступников. Студенты могли выглядеть как настоящие разбойники, но мало кто знал, как упорно они занимаются – штудируют книги и воплощают свои знания на практике.

А вот еще одна занимательная история про наши эксперименты. Мы пытались получить серную кислоту и в результате невероятных усилий получили ее – далеко не чистую, черного цвета. На следующий день следовало очистить жидкость и добиться прозрачности. Мы налили ее в чашку и поставили на полку, но Цурута Сэнъян забыл про это и по неосторожности задел ее, и кислота пролилась на него. Был четвертый месяц по старому стилю, кислота прожгла одежду, но на кожу не попала.

Для опытов требовались бутылки. Мы, как и все другие студенты, заказывали сакэ в ближней винной лавке «Комэто» в районе Добуикэ-судзи. Опустошенные бутылки использовали для опытов. После этого вернуть их в лавку было уже нельзя. Хозяину лавки показалось это странным, он потихоньку выведал об их судьбе у служителей общеселения и обнаружил, что нас больше интересовали сами бутылки, чем их содержимое. После этого он отказался доставлять нам сакэ, что затруднило нашу деятельность.

Переписка книги князя Курода

Князь Курода, управитель провинции Тикудзэн, имевший титул управителя провинции Мино, был дедом нынешнего господина Куроды²⁹. Учитель Огата был вхож в дом князя. Он не ездил ни в Тикудзэн, ни в Эдо, но пользовал членом дома Курода в Осаке. Когда Курода направлялся в Эдо или возвращался оттуда, он проезжал через Осаку, Огата являлся в представительство Тикудзэн и осведомлялся о здоровье князя.

Это было в третьем или четвертом году Ансэй (1856–1857). Князь проезжал через Осаку, и Огата, как обычно, явился в представительство Тикудзэн, расположенное в районе Наканосима. Вернувшись, он тут же вызвал меня. Я недоумевал о причине вызова, а Огата показал мне некую книгу: «Князь сказал, что недавно разжился этой книгой,

²⁹ Имеется в виду Курода Нагасигэ 黒田長成 (1867–1939). Впоследствии он учился в Кэйо Гидзюку. В то время, когда Фукудзава работал над автобиографией, занимал должность заместителя главы верхней палаты парламента.

а я ненадолго одолжил ее у него». Это оказался голландский перевод новой английской книги Вандербильта.³⁰ Там рассказывалось о новейших научных достижениях, в особенности подробно говорилось про электричество. Находясь в этой самой Осаке, я знал про электричество ничтожно мало – только то, что сообщалось в одном голландском школьном учебнике. В этой же книге, доставленной недавно из Европы, подробно рассказывалось об открытиях великого Фарадея в области электричества. Все было таким новым для меня, я прямо ахнул и спросил, на какое время учитель одолжил эту замечательную книгу. Он отвечал, что Курода пробудет в Осаке два дня и до его отъезда можно поддержать книгу у себя.

Я решил показать книгу нашим студентам в общежитии. Они окружили книгу кольцом. Я посоветовался со студентами постарше, и мы решили переписать книгу. «Не будет никакого толку, если мы просто посмотрим книгу. Так что кончаем глазеть, приступаем к переписке. Здесь тысяча страниц, полностью переписать не успеем. Будем переписывать только последнюю главу про электричество. Всем приготовить кисти, бумагу и тушь!». Но вот ведь незадача: мы не имели права разброшюровать такую ценную книгу, принадлежавшую князю! Нас было несколько десятков человек и если бы мы были вольны в своих действиях, то успели бы к сроку... Но студенты школы Огата были опытными переписчиками. Один читал, другой записывал. Как только второй уставал и начинал работать медленнее, его сменял другой студент. Ну, и так далее. Те, кто притомились, тут же ложились спать – будь то день или ночь. Работа не останавливалась круглые сутки, перерывов на еду и перекуры не существовало, так что мы не теряли ни минуты. За три дня и две ночи мы переписали главу про электричество и скопировали все рисунки, успели даже провести сверку. Всего получилось страниц триста. Нам хотелось переписать и другие разделы, но времени не хватило. Но все равно хорошо, что успели с электричеством. Огата обмолвился, что Курода купил книгу за 80 рё. Нищим студентам такая сумма и не снилась. Никто не мог даже и мечтать о покупке такой книги.

Но вот настал вечер, когда князь должен был отправляться в путь. Передавая книгу из рук в руки и бережно оглаживая ее, мы прощались с ней, как прощаются с дорогим родителем. Книгу мы вернули, но

³⁰ Книга не идентифицирована.

наши представления об электричестве поднялись на совсем другой уровень. Не побоюсь сказать, что в тогдашней Японии мы знали про электричество больше всех! Даже сегодня, когда заходит речь об электричестве, я могу поддержать разговор. И все это благодаря той самой книге. Так что многое в моей жизни связано с той доставшейся по случаю книгой. Я несколько раз просил нынешнего Куроду поискать ее у себя, но он не смог ее найти – говорил, что в бурные годы [революции Мэйдзи] она куда-то затерялась. Очень жаль.

Осацкие студенты

Как можно понять из вышесказанного, студенты школы Огата были охочи до учения. Студенты из Эдо временами являлись в Осаку, чтобы поучиться, но из Осаки в Эдо не приезжал никто. А если кто-то и приезжал, то чтобы учить, а не чтобы учиться. Я не имею в виду, что только в Осаке собирались талантливые студенты. Не хочу и сказать, что в Эдо учились одни болваны. Стоит, однако, разобраться, почему студенты из Эдо и Осаки были такими разными. Разумеется, в то время мы гордились тем, что осакские студенты лучше всех. Но дело было не в том, кто умнее. Нужно иметь в виду, что атмосфера в Эдо и Осаке сильно отличалась.

Открытие Японии Западу началось с Эдо. Там располагались правительство и резиденции князей. Проникновение туда всего нового отличалось масштабностью и быстротой. Поэтому в Эдо находили применение люди даже с ничтожными знаниями о Западе, они там зарабатывали переводами, и студенты естественным образом становились дельцами. Если повезло, тебя брали и на княжескую службу. Случалось даже, что вчерашний студент становился самураем с доходом в несколько сот *коку* риса. А вот Осака был миром торговцев, а не самураев. Там никто не интересовался пушками и не нуждался в западных книгах. Поэтому студенты школы Огата, проучившиеся там несколько лет и ставшие большими знатоками западного, не обладали возможностями для заработка. Они не имели отношения к материальной стороне жизни. У них не было возможности заработать. Да они и не искали ее. И чего ради они учились так упорно? Они не задумывались о том, какое будущее их ждет. Они не стремились к успеху. Да что там успех – люди вокруг только и делали, что поносили голландоведов! Недолго и руки опустить.

Но корпеть днем и ночью над зубодробительными текстами было нам страшно интересно – без всякой на то выгоды. Если бы кто-то сумел заглянуть нам в душу, то обнаружил бы, что там поселилось счастье. Это была гордость за то, что мы каждый день читаем по-голландски все лучше и лучше – умение уникальное для японцев, только мы способны на это. Да, мы были бедны, наш быт – скромный, и мы выглядели на сторонний взгляд нищими, но нашим знаниям и полноте жизни могли бы позавидовать короли и аристократы. Мы жили трудно, но интересно, в трудностях мы обретали радость, сами трудности были в радость. Мы как бы пили лекарство и не знали, к чему это приведет. Зато знали, что больше никто не способен перенести эту горечь. Неважно, что станет с нами после лечения, но чем горше оказывалось лекарство, тем охотнее мы его принимали. Такое вот воодушевление владело нами.

Китайщина – наш враг

В чем была цель нашего многотрудного учения? Ответ туманен. Мы учились медицине, о политике судачили мало. В вопросе о том, должна ли Япония быть страной закрытой или открытой, все мы выступали за открытость, никто против этого не возражал, но нашим непосредственным оппонентом была китайская медицина. Мы ненавидели ее, и наша ненависть перекидывалась на конфуцианцев, а с ними и на все китайское, которое следовало вырвать с корнем. Никаких конфуцианцев среди нас не было, а когда мы встречались с каким-нибудь студентом, изучавшим китайщину, мы видели в нем сумасброда. Мы смеялись над этой публикой и поносили ее.

В Наканосиме, неподалеку от школы Огата, располагалось заведение Ханаока – авторитетного знатока китайской медицины. Тамошние студенты были не чета нам – богатые и прекрасно одетые. Когда на улице мы натыкались на них, то не обменивались приветствиями, а проходили мимо, со злобой глядя друг на друга. Чуть отдалившись, начинали такой разговор: «Ты только посмотри на них! У них один прикид в голове. Слушают свои дурацкие лекции, чепуху какую-то, а главным у них этот Ханаока, он весь замшел и задеревенел, он повторяет теории, которым стукнуло две тысячи лет. Вот разъедутся они по домам и станут людей губить! Жуть!

Погодите! Мы вас изничтожим, духу вашего нигде не будет!». Но как это сделать, мы не знали. Просто поносили темноту и невежество, и так отводили негодующую душу.

Учение без перспективы

Итак, большинство из нас упорно училось, не имея перед собой конкретной перспективы, но это не охлаждало нашего пыла. Мы знали больше, чем студенты из Эдо. Пусть нынешние студенты и прилежны в учении, но если кто-то чересчур беспокоится о своей карьере, настоящим профессионалом ему не стать. Правда, и учение ради учения – тоже не идеал. Тем не менее, если человек думает только о карьере и славе, если его заботят только деньги, роскошный дом, деликатесы и богатое платье, он не сможет как следует грызть гранит науки. Учение требует сердца умиротворенного.

References

Fukuzawa, Yukichi. (2021). *Fukuō Jiden* [Autobiography of Elder Fukuzawa]. Tokyo: Iwanami, 75–114. (In Japanese).